

Юлия Ростовцева

Юлия Ростовцева – кандидат филологических наук, автор двух поэтических книг, одной книги художественных рассказов, лауреат Международного конкурса современной духовной художественной литературы «Молитва» в номинации «Проза» (2022), номинант поэтической Премии им. Сергея Есенина (2021), редактор православного библейского портала ekzeget.ru.

ПРОПОВЕДЬ

Рассказ

Стоял декабрьский вечер, метель металась в городе как заблудившаяся. А в это время в небольшой комнате, слабо залитой электрическим светом, среди божественных книг и икон в позе чахнувшего над своим златом скупого рыцаря сидел и что-то старательно писал угловатый молодой человек в подрыснике. Комната принадлежала приходскому домику Храма Нерукотворного Спаса при городской семинарии, а молодой человек был учащимся этой семинарии. Звали молодого человека Кирилл Моземчук. Моземчук был из во всем правильных и вообще, как говорил ректор, подающих большие и светлые надежды умов. Он много и охотно подвизался на разных послушаниях: от пения на клиросе до чистки семинаристского коровника, обладал добрым нравом и примерным прилежанием, и не было ничего удивительного, что наступил тот день, когда ему поручили прочитать воскресную проповедь. Надо сказать, что отношение к проповеди у Моземчука было особое. Он свято верил, что каждый священник призван своим словом, как мечом обоюдоострым, отделять дух от души в своих прихожанах, сотворяя из них в одночасье новых людей. Ревнителю, которые умели жесть оледенелые сердца людей своим глаголом, получали в мыслях семинариста самые лестные эпитеты, в то время как «леностные глашатаи Истины» уподоблялись едва ли не бесплодной смоковнице. Именно поэтому к делу написания проповеди Моземчук приступил со всем присущим его летам и пылу энтузиазмом, благо и повод был отнюдь не пустяшный. На завтра выпадала память праведного Филарета Милостивого – святого, который не пожалел для ближнего последней меры пшеницы и потом так чудесно был вознагражден за своё милосердие. «Здесь уж надо не прогадать, вложить в свои слова всю мощь и силу святости», – думал Моземчук, и на щеках его играл лихорадочный румянец. Одно смущало будущего пастыря: от природы он был немного картавый, а это сильно могло помешать благотворному эффекту проповеди. Не зная, что лучше придумать, проповедник стал репетировать, проговаривая слова, которые вот-вот должны были сорваться с его карандаша на бумагу.

– Что такое милосе-г-дие, вдумайтесь, б-г-агья и сест-г-ы! – выдал он с чувством и инстинктивно посмотрел на своё отражение в дверце лакированного шкафа. – Это то, что отличает нас от хищничества животных и бездушия полевой т-г-авы. Полевой т-г-авы... Хм... Так-так. Хо-г-ошо. Если же наше се-г-дце жестоко и ст-г-опотно, будем делать дела любви хотя бы и без любви. Какие же это дела, до-г-огие б-г-агья и сест-г-ы? – Задавая пустоте комнаты этот риторический вопрос, Моземчук тут же пометил в своём листке: «оглядеть взором всех присутствующих». Потом подумал и надписал сверху: «Пристальным». – Одним из таких дел является величайшее дело милостыни. Многие, быть может, из вас слышали о таком святом – п-г-аведном Фила-г-ете Милостивом. Так вот, он был такой же человек, как и мы...

Далее находчивый семинарист красноречиво распространялся на тему того, как много общего было между его русскими современниками и святым, жившим в VIII веке в Малой Азии, и наконец перешёл к тому самому глаголу, которым должен был прожесть людские сердца.

– Не зак-г-ывай две-г-и милосе-г-дия, – проговорил, закусив жидкий ус, Моземчук, его рука с карандашом величественно повисла в воздухе над квадратом исписанной бумаги. В этот момент

настойчиво постучали в дверь. Каждый день, около восьми, заступал на вечернюю смену сторож «Осипович», который был большой охотник до разговоров. Но можно ли было переключаться на пустые речи, когда на кону было спасение многих людей? Моземчук счёл вражьи искушением обращать внимание «на сторожей» и с упоением продолжал:

– Не зак-г-ывай две-г-и милосе-г-дия твоего, когда в них стучится убогий, п-г-ося о помощи... ибо так об-г-етёшь сок-г-овище там, где некогда была одна г-уда – на глубине души твоей. И это сок-г-овище будет ходатайствовать за тебя пе-г-ед Ца-г-ём Славы, помогая откупиться от вечной гибели и наследовать часть со святыми в г-аю.

Не зак-г-ывай две-г-и милосе-г-дия даже тогда... Да что же это такое? – в нетерпении воскликнул Моземчук: в дверь опять настойчиво постучали. Что-то дерзкое, входящее в разрез со всем его возвышенным устройением показалось семинаристу в этом стуке. Он подошёл к дверному проёму, волевым движением закрыл вторую дверь наглухо, ухмыльнулся мысли: «Теперь стучи не стучи – слышно не будет», и самозабвенно вернулся к письменному столу.

– Даже тогда, когда ты занят, по-видимому, благочестивыми делами, не затво-г-яй две-г-и милосе-г-дия и удели нищему хотя бы пятак. Если нет пятака – г-аздели с ним ужин, если нечем отужинать, отдай половину платья. Ибо и он, сей нищий, – есть об-г-аз Х-г-иста, голодного, холодного и всеми отве-г-женного. Так поспеши же упокоить Спасителя твоего хотя бы в малом. Ибо сказано: «Понеже сотво-г-исте единому сих б-г-атий Моих меньших, Мне сотво-г-исте».

Проговорив это, Моземчук в упоении смолк. Его собственные слова показались ему такой сермяжной правдой, что он чуть не заплакал. Всё естество его тотчас потребовало людей, общества, быстрым движением он распахнул двери на улицу и только сейчас вспомнил, что да... ведь не так давно кто-то стучал. «Кто это был? Сторож? Свечница? Вот бы хотя бы отчасти передать им смысл завтрашней проповеди! Ведь каких истин сподобил Господь!» Голову кружило от предвкушения.

Через минуту улыбающийся Осипович, зябко кутаясь от хлёткого, игольчатого ветра в тёплый полушубок, рассказывал в красках:

– Да бож какой-то приходил. Я ему говорю: здесь семинария, а не богадельня. А от своё: «Здесь люди милостивые, здесь люди милостивые». Поест просил, но я как его лицо красное увидел – понял сразу: на грех просит. И как правильно, Кирилл, что ты... А чего ты ему не открыл-то? – Осипович устремил на юношу простецкий взгляд из-под обледенелых бровей. – В окно, что ли, увидел, кто есть кто?

– Я п-г-оповедь писал, завт-г-а память святого Фила-г-ета Милостивого, – потупив глаза, безжизненно проговорил Моземчук. Никогда ещё он не казался самому себе таким лживым и жалким одновременно. Казалось, с души слетел весь напускной блеск, вся мишура, и праздник жизни предстал теперь таким несвоевременным и незаслуженным. Сквозь пелену печальных мыслей слышалось, как Осипович одобряюще приговаривал:

– А, ну это дело святое, это дело святое... И только ветер вздымал вверх серые тучи вертящихся снежинок и уносил неизвестно куда.

СИЛА ЛЮБВИ

Рассказ

Больше всего Игорь уважал в людях силу. Он и православным-то стал, когда столкнулся с тем чудесным исполнением духа, которое может являть в себе православный священник. От него, коренастого и широколобого, только и слышно было: «Как постится отец Феодор! Сила! Как молитвы поёт дьякон Иоанн! Мощь!» Всё отзывалось в широком сердце молодого человека: молитва за врагов, полагание жизни за други. Но чего никак не мог он принять, это когда мужик шёл на поводу у бабы. Свою Машку он держал в ежовых рукавицах, и не столько из любви, сколько для порядка напоминал ей, что она «немогущий сосуд». Машка послушно улыбалась, прятала получку в сервант и не без огонька хлопотала по дому. А что? Игорь хоть и грубоват, зато живёт по совести и копейки даром не потратит. Цветов по праздникам не носит, зато стол ломится от яств.

Был у Игоря друг во Христе. Вихрастый Иннокентий, Кеша, эдакий «юноша бледный со взором горящим». В общем, душою – поэт, а по жизни неумеха: ни кран починить, ни построить семейные отношения. Свою «Галюсю» он не то что любил или боготворил, он её жалел. Галюся – красотою жар-птица – каждый вечер исчезала, словно феникс. Только птица-феникс имела обыкновение воскресать, а о жене Кешиной такого сказать нельзя было, поскольку всё больше и больше скатывалась она в пучину разврата. Кеша всё терпел, каждый раз принимая помятую супругу холодными утрами из разверстой ночной пасти, и, казалось, имел атрофию человеческого самолюбия. Во всяком случае, его бледное, с правильными чертами лицо не выражало ни доли обвинения, ни тени упрёка, одну только беспредельную жалость.

– У тебя что? Чувства собственного достоинства нет? – чеканил в таких случаях Игорь, до кончиков мясистых ушей наливаясь краской гнева.

Кеша вздыхал, рассеянно подливал остывший кипяток в чай и потом ещё долго молча смотрел на танец снежинок за окном. Больше от него ничего нельзя было добиться.

– Верёвки она из него вьёт, использует как пороговый коврик, а он!? – распаялся от праведного гнева Игорь зимним семейным вечером, и посуда, подпрыгивая, звенела от удара его кулака о стол. – Он ей, видите ли, всё прощ-а-а-а-ет... Где сила-то патриархальная? Где мощь?

– Ты думаешь, легко ему вот так терпеть-то? – с опаской глядя на мужа, говорила Машка. – Но Бог терпел и нам велел, как говорится...

– Цыть, баба! Бог слушаться заповедал жене мужа. Но муж для этого характер должен иметь, понимаешь? Ха-рак-тер! – уже не выдерживая, кричал Игорь, и во всей квартире вдруг отчего-то становилось неудобно, необжито.

Был он человек души широкой, вольной, которой тесно было в узком теле и гнусно от окружающей несправедливости. Но за своё правдорубство, Бог свидетель, пришлось ему вскоре заплатить. Стоял зимний пасмурный день. Снегопад завешивал улицу своим белым сползающим пологом, Игорь шёл и с наслаждением слушал, как поскрипывает под ногами свежий рыхлый снег. Он знал, что ещё несколько устланных белой пеленой улиц, и он окажется рядом с домом Кеши, этого рубахи-парня, этого всепонимающего философа. «Эх, Кешка, Кешка! Твоей бы силе всепрощения правильное русло задать!» Вот и заветный дом, второй этаж, налево: «Кешка, я иду, ставь пузатый чайник», – мысленно говорил Игорь. Но что это? Дверь открыта настежь, на пороге валяются брошенными какие-то женские тряпки. В середине комнаты, как единственный выживший после ужасного урагана, стоит Кеша.

– Ушла. Вынесла всё самое дорогое и ушла, – грустно констатировал он, и черты лица его показались от этих слов ещё более правильными, точёными. – Вот, – едва шевельнул повисшей плетью руки покинутый муж, – записку оставила...

Резким движением вырвав листок, Игорь закричал что есть силы: «Что?! Извини, прощай, наша встреча была ошибкой?!»

Кеша посмотрел на друга влажными глазами, он едва сдерживал рыдания, тело его сотрясалось.

– Олух ты! Не мужик! Тряпка! – Пробежав записку, Игорь тут же разодрал её в клочья и бросил под ноги товарищу.

Кеша крепился из последних сил, лицо его выражало непреодолимую муку, безраздельное страдание.

Не выдержав такого взгляда, Игорь процедил: «Видеть тебя не хочу», и скрылся в дверях.

Одним мигом он преодолел две-три заснеженные улицы и оказался дома. В квартире тепло струился электрический свет, на кухне хозяйничала жена, бурлило содержимое кастрюли, вкусно пахло жареным луком. Оглядев эту уютную атмосферу, Игорь на мгновение проникся чувством собственного достоинства. Всё-таки сумел он построить бабу, всё у него чин по чину, не то что у других... Но тут же им овладела какая-то неслыханная тоска с доселе небывалым беспокойством. Кое-как поужинав, встал на правило: слова молитвы глухо отозвались в сердце, как в опорожнённом сосуде. Но он старался бодриться: «Разбередил душу, вот и...» Однако червячок сомнения всё же подтачивал основание спокойствия. К полуночи измученный и раздосадованный Игорь задремал. Ему приснилась внутренность какого-то двора, залитая дневным светом. Каменные узорчатые стены не выражали собой ничего, были холодны и пусты в своей серости. А пол. Пол был обagrён кровью. Присмотревшись, спящий увидел, что та сосредоточена в одном месте, у небольшого столба, рядом

с которым всё ещё лежит верёвка, которой, очевидно, связывали кому-то руки. Неподалёку стоял воин в железном панцире и серой тунике, с кровавой тростью в руке. Всей своей широкоплечей мускулистой фигурой он являл собой величие силы, могущество доблести. Но что-то было с ним не так. Приглядевшись, Игорь увидел, что этот мощный исполин... Он... Безутешно плачет. Плачет и пытается сквозь слёзы что-то сказать. Ещё мгновение, и можно было разобрать: «Я, как ты... Я, как ты... Сегодня я ударил Христа во время его страданий». В памяти спящего вдруг встали полные боли глаза друга и его собственные колкие слова: «Олух! Тряпка! Не мужик!» Каждое было словно удар по окровавленному сердцу.

Проснувшись, Игорь не стал дожидаться рассвета, а прямо ночью, когда метель хлестала в глаза, покрывая всё серой шуршащей крупой, побежал к другу. Ещё поворот, другой... Как ноют от холода пальцы рук... Эх, и угораздило впопыхах оставить дома рукавицы! Вот и заветное окно с розовой шторой, помнится, тогда, несколько лет назад, эту штору Галюся подарила Кеше на день рождения. Уже тогда она думала только о себе. Прости ей, Господи. Игорь позвонил, несмотря на горящий в квартире свет, никто не открыл. Только спустя несколько минут по ту сторону раздалось неловкое шуршание и клацнул замок в двери. В проёме показался Кеша, бледный и измождённый, почти мертвец, ничего не говоря, он как-то неуловимо, одними глазами пригласил друга последовать за собой. Кухня была залита едким электрическим светом, от которого все предметы казались гипертрофированно громоздкими, грубыми. На голом столе стояла непечатая бутылка водки и большая красная кружка, из которой Кеша обыкновенно пил чай.

– Ты что? Не вздумай! С твоею язвой! – взмолился Игорь.

– Всё равно... – Кеша болезненно мотнул головой, вся его фигура, казалось, выражала собой слова: «Оставьте меня, не мучьте...»

– Друг! – Игорь взял обмякшего товарища за плечи и начал трясти, словно пытаясь вдолбить в него искру мужества. – Друг! Ты – сила! Ты – мощь! Ты – мощь всепрощающей любви! В который раз Бог вызывает к твоей способности прощать ближнего! Этот ближний – я! Молю тебя, прости!

Что-то неясное, похожее на радость пробежало в глазах Кеши. Повернувшись спиной к плите, он чиркнул спичкой и заботливо произнёс: – Раздевайся, сейчас чай будем пить, озяб, поди, весь с дороги...

